

ЧУВСТВО СТРАХА В МОРАЛЬНОМ ОПЫТЕ

В статье проанализированы этические аспекты феномена страха и его значение в моральном опыте человека. Автор указывает на то, что страх является первичным внутренним регулятором поведения. Если в классических этических учениях страху приписывалась исключительно негативная значимость, то современный подход допускает, что именно чувство страха (за кого-то или что-то) лежит в основе долженствования и ответственности. В системе этических взглядов чувство страха может рассматриваться в оппозиции с разнузданностью, а также с чувством равнодушия.

Ключевые слова: страх, тревога, моральное чувство, моральный регулятор, моральный выбор.

Феномен страха является предметом исследования целого ряда наук и областей философского знания. Страх – довольно многогранное явление, он рассматривается в различных аспектах: как экзистенциальный исток человеческого бытия, психологический, религиозно-психологический, социальный, этический феномен.

Философский анализ страха представлен в работах Гуревича П.С. [5], Гагарина А.С. [2], Ореховой Л. Г. [8], Антонова В.Ю. [1]; его этические аспекты изучали Кон И.С. [6], Гаджигурбанова П.А. [3], Пустовойт Ю.В. [10] и др. Следует отметить, что философско-этическое направление в изучении данной проблемы относится к числу наименее разработанных. Между тем задача раскрыть смысл страха как этического феномена человеческого бытия заслуживает более пристального внимания.

Согласно одному из определений, страх – это «тягостное, мучительное душевное состояние, вызываемое грозящей человеку опасностью и чувством собственного бессилия перед ней» [4, с. 645]. «Психологический страх» может быть вызван внешними обстоятельствами, представляющими угрозу – реальную или воображаемую. Предмет «метафизического страха» не может быть ясно определен, так как вызывается внутренними причинами [Там же]. По мнению Пустовойт Ю. В., во всех видах страха присутствует нейтральное начало – ощущение катастрофической перемены, иногда ожидаемое, иногда неожиданное. Это переживание приобретает нравственный и духовный характер в зависимости от содержания. Таким образом, страх может быть подвергнут этической оценке [10, с. 12].

Античная этическая мысль рассматривала страх (перед богами, судьбой, смертью) через призму учений о счастье. Страх характеризовался как страсть, аффект, требующий подавления или даже искоренения, поскольку он не позволяет здраво мыслить, давать трезвые оценки происходящему и, в конечном счёте, препятствует разумному счастливому существованию человека. Внутренний страх проявляется в виде малодушия и трусости, в борьбе с которыми формируется мужество как добродетель [10, с. 13].

Идеалом разумного контроля над страхом считалась мудрость. Философия учила преодолению страха, и сама по себе была одним из средств, к которому можно было для этого прибегнуть. «Четвероякое лекарство» – правило, предложенное Эпикуром, – гласило: «Бог не внушает страха; смерть не внушает опасения; благо легко достижимо; зло легко претерпеваемо» [18, с. 448].

Таким образом, страх наделялся негативным значением в жизни человека. Подобная рационалистическая стратегия транслировалась последующей этической мыслью вплоть до И. Канта [3, с. 168]. Однако этот подход не исчерпывает роль страха в моральном опыте личности.

В исторической ретроспективе страх наказания (богами или людьми), очевидно, являлся первичным внутренним регулятором поведения. С развитием моральных чувств страх сохраняет роль

базового регулятора. Человек боится не только наказания, но и общественного мнения, потери самоуважения. Страх удерживает от совершения поступков, которые могут повлечь за собой нежелательные следствия. Более того, Г. Ионас видел прямую связь между страхом и ответственностью и рассматривал его в качестве источника долженствования. По его мнению, в основе правильных стратегий поведения может и должен находиться страх за будущее человека и всё, что ему дорого [3, с. 167].

Страх тесно связан со стыдом и виной, которые рождаются при морально-нравственной оценке окружающей действительности, самого себя, отношений с другими. Так стыд – чувство, возникающее перед теми, чьим мнением дорожит человек (его иногда квалифицируют как «социальный страх» [10, с. 16]). Вина – неудовлетворённость собой, не зависящая от того, имеет ли место порицание со стороны других. Чувства страха, стыда и вины иногда рассматривают в качестве разновидностей тревожности (объективной, социальной и моральной соответственно) [6].

«Страх, стыд и вина... выступают не только как эмоциональные переживания, связанные с разными моральными санкциями (недаром их относят к числу моральных чувств или свойств моральной личности). Эти же понятия используются при выделении определенных этапов исторического развития, в ходе которого социальное поведение становится более осознанным и индивидуальным», – отмечал И.С. Кон [6].

Однако существует мнение, согласно которому страх только сопутствует моральным чувствам, примешивается к ним, по своей сути таковым не являясь. Так Дж. Ролз пишет: «Конечно, страх и боязнь часто сопровождают чувство вины по вполне понятным причинам, но эти эмоции не должны быть смешиваемы с моральными чувствами. Мы не должны предполагать, таким образом, что переживание вины есть нечто вроде смеси страха, боязни и сожаления. Боязнь и страх не являются нравственными чувствами вообще...» [12, с. 418].

Здесь действует следующий довод: если стыд и вина требуют соотносить свои действия с социальными либо внутренними моральными идеалами, понятиями и принципами, то страх требует соотносить их лишь с возможностью и тяжестью грозящего наказания.

Однако в определённом смысле страх вполне правомерно квалифицировать как одно из свойств моральной личности, как нравственное побуждение. Этот подход характерен для христианской философии. Так патристическая мысль рассматривала страх в контексте учения о спасении и различала две его разновидности: духовный – страх Божий и душевный – боязнь. Страх Божий – явление того же порядка, что и совесть, и влечение к высшему абсолюту, к Божеству [10, с. 17].

По словам П. А. Флоренского: «Отсутствие страха – свидетельство не мужества, а, как раз напротив, – дерзости, наглости духовной, обнагления – свойственного трусливым натурам, когда они уверились в безнаказанности. Не знает страха Божия тот, кто не знает и религии» [16]. Разумеется, страх Божий (благочестие) – предмет воспитания в человеке, как и стыд, ответственность, милосердие и другие высокие чувства.

Чувство страха присутствует в ситуации сложного нравственного выбора, когда оценка ситуации, поиск ориентира, решение моральной дилеммы может быть по-настоящему мучительным.

Ж.-П. Сартр писал: «Для каждого человека все происходит так, как будто взоры всего человечества обращены к нему и будто все сообразуют свои действия с его поступками. И каждый человек должен себе сказать: действительно ли я имею право действовать так, чтобы человечество брало пример с моих поступков? Если же он не говорит себе этого, значит, скрывает от себя свою тревогу... Это – тревога, известная всем, кто брал на себя какую-либо ответственность» [14, с. 326]. Мыслитель полагал, что попытка отогнать от себя беспокойство и тревогу, делая вид, что выбор не касается более никого, «сродни нечестности» [Там же, с. 325].

Собственно говоря, страх или тревога в ситуации морального выбора, связаны скорее с тем, что человек терзается сомнениями, не знает, на чём остановиться, и боится поступить нехорошо, неправильно. Когда культурная среда не способна выработать хоть сколько-нибудь стройную систему моральных норм, принципов и идеалов, и ни одно моральное учение не сохранило универсального значения, нередко эти чувства лучше всего характеризуют моральную личность.

В случае, когда человек, напротив, осознаёт, как следует поступить при наличии моральной дилеммы, но имеет желание избрать иной вариант, искушение также рождает беспокойство.

В философии экзистенциализма страх – одно из важнейших понятий, и он трактовался как следствие открытости, безосновности человека, свободы, на которую он изначально обречён. Разграничение понятия «страх» и «тревога», которое встречается в экзистенциализме, основано на том, что страх обращён вовне, а тревога – внутрь (на себя и собственные реакции). «Головокружение

является тревогой в той степени, в которой я опасаюсь не сорваться в пропасть, а броситься туда», – писал Ж.-П. Сартр [13, с. 65].

С. Кьеркегор различал вызываемый внешней причиной страх-боязнь (Furcht) и безотчетный метафизический страх-тоску, страх-ужас (Angst). Это разграничение было воспринято в дальнейшем представителями экзистенциализма и психоанализа. Так Furcht в понимании М. Хайдеггера включает в себя не только боязнь перед чем-то опасным, но и боязнь за что-то и за Другого как способ «со-бытия с Другим на основе мира» [17, с. 304]. Angst как страх перед неопределённым в психоанализе соотносится с «невротическим» страхом [10, с. 11].

В понимании С. Кьеркегора Angst возникает при переходе от природного состояния невинности к состоянию свободы и неразрывно связанной с ней вины. Человеку открывается «Ничто», которое осознаётся как искушение нарушить запрет. Этот переход нужно понимать как грехопадение [7, с. 144–146]. Страх, возникающий перед Ничто, характеризуется амбивалентностью: с одной стороны, он представляет собой отвращение, а с другой стороны, – влечение к «Ничто».

Метафизический страх (Angst) как экзистенциальный опыт позволяет личности ощутить своё существование «лицом к смерти» и не допускает рассеивания субъективности в сфере разумного, объективного, всеобщего. В этом последнем случае невозможно понять религиозное значение личности и совершить «прыжок веры» из сферы этического долга к абсолютным (личным) отношениям с Богом. Для С. Кьеркегора истинная вера представляет собой сверхэтическое отношение к миру. Для примера мыслитель предложил философскую интерпретацию библейской истории об Аврааме, который вышел за рамки морального, когда принял решение следовать повелению Бога и принести в жертву любимого сына [7, с. 53 – 64].

Как уже было сказано, страх – свойство человеческой души, получающее нравственную оценку в зависимости от объекта, характера, а также реакции, которую он вызывает в человеке. Несомненно, страх за себя и страх за Другого заслуживает разного отношения. Существует мнение, согласно которому страх за Другого обладает нравственной природой и его «культивирование становится моральным долгом» [3, с. 169].

Вместе с тем страх, тревога и нерешительность сопряжены со стремлением их скрыть, поскольку эти чувства нередко вызывают довольно безапелляционное неодобрение. Испытывать, а тем более проявлять страх считается унизительным для представителей ряда социальных групп. Соответственно, в подобных случаях бесстрашие может ставиться превыше гуманности. Так А.С. Пушкин писал: «Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, которые в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков» [11, с. 52].

Таким образом, привлекательность злу может придать бесстрашие и свобода того, кто его совершает. (Обратная ситуация складывается, когда мораль попирается вследствие чувства страха, который делает человека бесстыдным и бессовестным. В этом случае зло лишается героического ореола и становится отвратительным).

Зачастую оспаривание, нарушение моральной нормы осознаётся как самоутверждение, проявление бесстрашия, независимости, и, напротив, соблюдение норм и запретов кажется признаком боязни, слабости. Как говорит один из персонажей О. Уайльда: «Совість» – официальное название трусости» [15, с. 60].

При наличии желания, возможности, сил, причин, иногда даже права, позволительно ли совершить поступок, который считается аморальным? Решение этого вопроса нередко сводится к выбору между «посмею» и «не посмею». Выступая против моральных норм, человек способен испытывать самодовольство, вследствие того, что он бросает вызов обществу и преодолевает страх.

Подобно любому более или менее категоричному запрету и предписанию, моральные нормы провокационны. Страх как базовый моральный регулятор сопряжён с искушением его преодолеть и проверить пределы допустимого. В этом смысле его эффективность в качестве сдерживающей силы может оказаться невысокой.

Итак, если в классических этических учениях страху приписывалось исключительно негативная значимость, то современный подход не исключает того, что именно страх (за кого-то или что-то) лежит в основе должностования и ответственности за судьбу человека, человечества и мира в целом.

В моральном опыте страх имеет разнообразные проявления и функции. Он служит моральным регулятором, иногда принимая форму благочестия (богобоязненности, страха Божия). В этом случае чувство страха находится в оппозиции с разнузданностью, вседозволенностью. Чувство страха проявляется также как тревога, сопутствующая моральному выбору, и как страх за Другого. В этих случаях страх противоположен равнодушию и чёрствости.

Литература:

1. Антонов В. Ю. Метафизика страха и этика бессмертия. / Антонов В. Ю. – Саратов : ТОО «Печатный двор», 1994. – 64 с.
2. Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх (от античности до Нового времени). Историко-философский аспект: Дис... д.филос.наук. – Екатеринбург, 2002. – 355 с.
3. Гаджикурбанова П. А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса / Гаджикурбанова П. А. // Этическая мысль. М. : ИФ РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 151–177.
4. Гайденко П. П. Страх / Гайденко П. П. // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. / под ред. В. С. Стёпина. – Т. 3. – М. : Мысль, 2010. – С. 645.
5. Гуревич П. С. Страх – молитва души / Гуревич П. С. // Философские науки. – 1992. – №2. – С.89–100.
6. Кон И. С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры [Электронный ресурс] / Кон И. С. – Режим доступа : <http://refdb.ru/look/1907423.html>.
7. Кьеркегор С. Страх и трепет / Кьеркегор С. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
8. Орехова Л. Г. Социально-философское осмысление страха: Дис. .канд.филос.наук.- Ростов н/Д., 2002. – 121 с.
9. [Потоцкая Ю. И. Страх как регулятор морального поведения / Потоцкая Ю. И. // Духовно-моральнісні основи та відповідальність особистості у долі людської цивілізації: зб. наук. праць: за матер. Міжнарод. наук.-практ. конф. 5–6 листопада 2014 р. – У 2 ч. : Ч. 2 / під ред. О.Г. Романовського, Ю. І. Панфілова. – Харків: НГУ «ХПБ», 2015. – С.232–235.](#)
10. Пустовойт Ю. В. Феномен страха в античной культуре и патристике (Этико-философский анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Пустовойт Ю. В. – Тула, 2007. – 23 с.
11. Пушкин. А. С. Выстрел / Пушкин. А. С. // Собрание сочинений : в 10-ти т. – Т. 5. –М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1960 – С. 50–62.
12. Ролз Дж. Теория справедливости / Ролз Дж. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995 – 535 с.
13. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Сартр Ж. П. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
14. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр. // Сумерки богов. М. : Изд-во политической литературы, 1990.– С. 319–344.
15. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / Уайльд О. М. // Библиотека всемирной литературы: в 200 т. – М. : Худ. литература, 1976. – Т. 118. – С. 53–236.
16. Флоренский П. А. Страх Божий [Электронный ресурс] / Флоренский П. А. – Режим доступа : http://hotkovo.net.ru/library_view.php?id=40&mode=1.
17. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / Хайдеггер М. – Томск, «Водолей», 1998. – 384 с.
18. Шахнович М. М. Эпикур / Шахнович М. М. // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. / под ред. В. С. Стёпина. – Т. 4. – М. : Мысль, 2010. – С. 448–449.